

УДК 902.3:903.2

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СООРУЖЕНИЯ КЕНОТАФОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

В статье представлен опыт рассмотрения тюркских оградок как одной из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье. Сомнения в исключительно «поминальном» характере таких объектов неоднократно высказывались исследователями. Анализ материалов раскопок археологических памятников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии 2-й половины I тыс. н.э. позволил выявить серию отличительных признаков каменных оградок, сопоставимых с характеристиками кенотафов раннесредневековых тюрков. Наиболее показательными чертами в этом плане являются небольшие каменные ящички, разного рода сопроводительные объекты (балбалы, стелы, изваяния, каменные кольца, пристройки и др.), состав инвентаря. Имеются основания для предположения о том, что на ранних этапах развития тюркской культуры каменные оградки выполняли функции кенотафов, при этом в более позднее время данная традиция могла трансформироваться. Дальнейшие детальные исследования, связанные как с получением новых материалов, так и с интерпретацией уже накопленных сведений, позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики раннесредневековых тюрков, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавший сооружение «поминальных» объектов.

Ключевые слова: Алтае-Саянский регион, Центральная Азия, раннесредневековые тюрки, каменные оградки, кенотафы, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-06

Одной из дискуссионных проблем раннесредневековой археологии Алтае-Саянского региона и Центральной Азии является интерпретация каменных оградок и сопровождающих их объектов (изваяний, стел, балбалов и др.), традиционно связываемых с тюркской культурой. Несмотря на накопленный обширный материал и значительное количество специальных исследований, вопросы о том, относятся такие памятники к погребальным или «поминальным» комплексам, какие ритуальные действия сопровождали их сооружение, чем обусловлена вариабельность конструкций, остаются актуальными. Не углубляясь в обширную историографию, отметим, что наиболее распространенным подходом является рассмотрение каменных оградок как объектов «поминального» характера. Вместе с тем в последнее десятилетие в работах многих исследователей подобная трактовка не представляется столь однозначной [Кубарев В.Д., 2001, с. 42; Кубарев Г.В., 2007, с. 50; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008, с. 80–86; Серегин, 2010, с. 203; и др.]. В связи с тем, что предположение о погребальном характере каменных оградок и сопровождавших их объектов не находит объективного подтверждения в материалах раскопок, одним из вариантов интерпретации таких комплексов является их рассмотрение как своего рода кенотафов.

Впервые подобная трактовка «поминальных» объектов была предложена В.А. Могильниковым [1992, с. 185–186]. Археолог обратил внимание на то, что такие характеристики оградки №109 памятника Кара-Коба-I (рис. 1), как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода, находят аналогии в погребальном обряде населения тюркской культуры. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

кенотаф, отметив в то же время поминальный характер большинства других оградок. По мнению В.А. Могильникова [1992, с. 192], имеются также некоторые основания для отнесения к кенотафам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо (рис. 2). В следующей публикации материалов раскопок на памятнике Кара-Коба-I археолог, не приводя на этот раз аргументов, предложил такую интерпретацию и для оградки №69А [Могильников, 1994, с. 95], которая не содержала захоронения лошади, инвентаря, предназначавшегося для человека, а также других признаков, каким-либо образом указывавших на возможность подобного заключения.

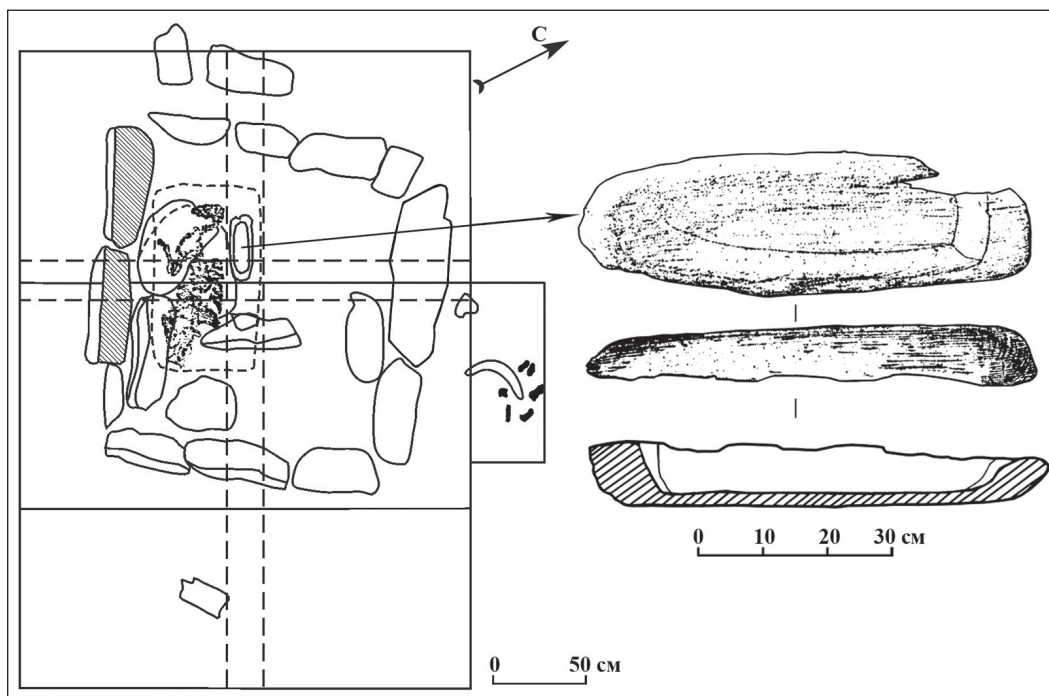

Рис. 1. Кара-Коба-I (по: [Могильников, 1992, рис. 13, 14])

Предположение о сходстве «поминальных» оградок тюркской культуры с кенотафами не получило поддержки и развития в работах других исследователей. Отдельные замечания в указанном направлении приводились в публикациях барнаульских археологов [Серегин, 2008, с. 147–148; 2010, с. 203; Шелепова, 2011, с. 223; и др.], однако целостного обоснования данной концепции не предпринималось. Тем не менее, на наш взгляд, она имеет определенный научный потенциал и требует дальнейшего рассмотрения.

В ходе раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии выделена серия «классических» кенотафов [Серегин, 2008, с. 144–153]. Такие объекты характеризуются соблюдением всех показателей обряда (сооружение специальных погребальных конструкций, выполнение норм ритуала, в том числе присутствие сопроводительного захоронения лошади и соответствующего инвентаря) при отсутствии умершего человека. Анализ материалов раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрков позволяет утверждать, что по ряду показательных признаков каменные оградки могут быть сопоставлены с кенотафами.

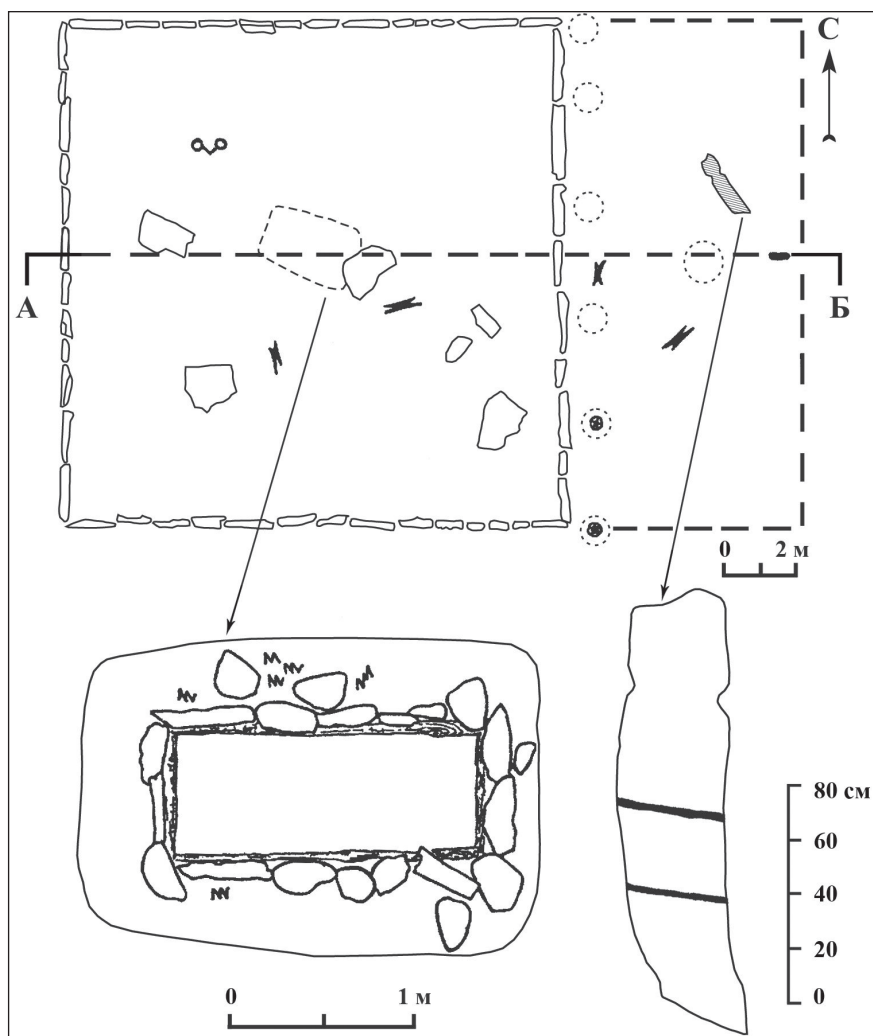

Рис. 2. Ян-Гобо (по: [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX])

Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади [Гаврилова, 1965, табл. III–V; Могильников, 1992, рис. 10–11; Мамадаков, 1994, рис. 2.-7–12; Илюшин, 2000, рис. I–II; и др.]. Весьма вероятным представляется предположение о том, что такие конструкции в ранне-тюркских оградках отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода, демонстрируя схожесть по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры [Матренин, 2005, с. 37; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 210]. В свою очередь, обряд захоронения лошадей в округлых оградках, получивший распространение у кочевников региона во 2-й половине V – 1-й половине VI в., близок традициям конских захоронений в «ритуальных» курганах «булан-кобинцев» [Матренин, Шелепова, 2007, с. 85]. Данные факты

указывают на возможность того, что в материалах оградок, относящихся к ранним этапам развития тюркской культуры, получили отражение обычаи, связанные с сооружением кенотафов населением Алтая предшествующего периода.

Важным элементом «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок были сооружения, находящиеся рядом с оградками, – изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца, пристройки и др. Долгое время данные объекты считались показателем, отличающим подобные памятники от некрополей рассматриваемой общности. Однако детальный анализ материалов раскопок позволил выявить подобные сопроводительные сооружения и рядом с курганами тюркской культуры. «Околокуранные» объекты представлены теми же изваяниями или стелами, балбалами, рядами каменных колец, небольшими «пристройками» и выкладками [Серегин, 2010б; 2011, с. 50–51]. Такие сооружения в большинстве случаев расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана), что характерно и для оградок раннесредневековых тюрок. Важно отметить, что нередко «околокуранные» объекты обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства таких комплексов и каменных оградок.

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Не исключено, что в ряде случаев они представляют собой единый комплекс. К примеру, характерная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон-1 на Алтае [Соенов, Эбель, 1997, рис. 1, 2] (рис. 3). В одной из смежных оградок комплекса исследовано захоронение лошади, а во второй – миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142–144].

Характерной чертой, которая некоторым образом объединяет каменные оградки тюркской культуры с кенотафами, а также, в меньшей степени, «ритуальными» курганами, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и фрагменты кольчуги весьма редко встречаются в погребениях тюрок [Горбунов, 2004, с. 96–97]. Остатки защитного вооружения зафиксированы лишь однажды при раскопках «элитного» захоронения [Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003, рис. 6]. Кроме единичной находки на поселении, все остальные части доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах [Грач, 1960, с. 129–139; Гаврилова, 1965, табл. V.-1, XXIV.-1; Кызласов, 1979, с. 122, 129–131; Савинов, 1982, рис. 8; Илюшин, 1990, рис. 1.-8; Загородний, Григорьев, 1998, с. 118–122; Шульга, Горбунов, 2002; Горбунов, 2004, с. 96; Кубарев Г.В., 2005, табл. 106.-10; 2007, с. 51–52, рис. 2.-5; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008, с. 38–39; и др.]. Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения – наконечников копий. Такие находки, крайне редко обнаруженные в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов [Кубарев Г.В., 2005, табл. 73.-10, 145.-1] и, особенно, каменных оградок на

различных территориях [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-2; Загородний, Григорьев, 1998, рис. 3.-22; Досымбаева, 2006, рис. 8.-4; и др.]. Весьма своеобразная ситуация зафиксирована в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копы была изготовлена из панцирной пластины [Досымбаева, 2006, фото 9]*. Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копые, наряду с лошадьё и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека [Фиельструп, 2002, с. 134, 166–167, 178–179].

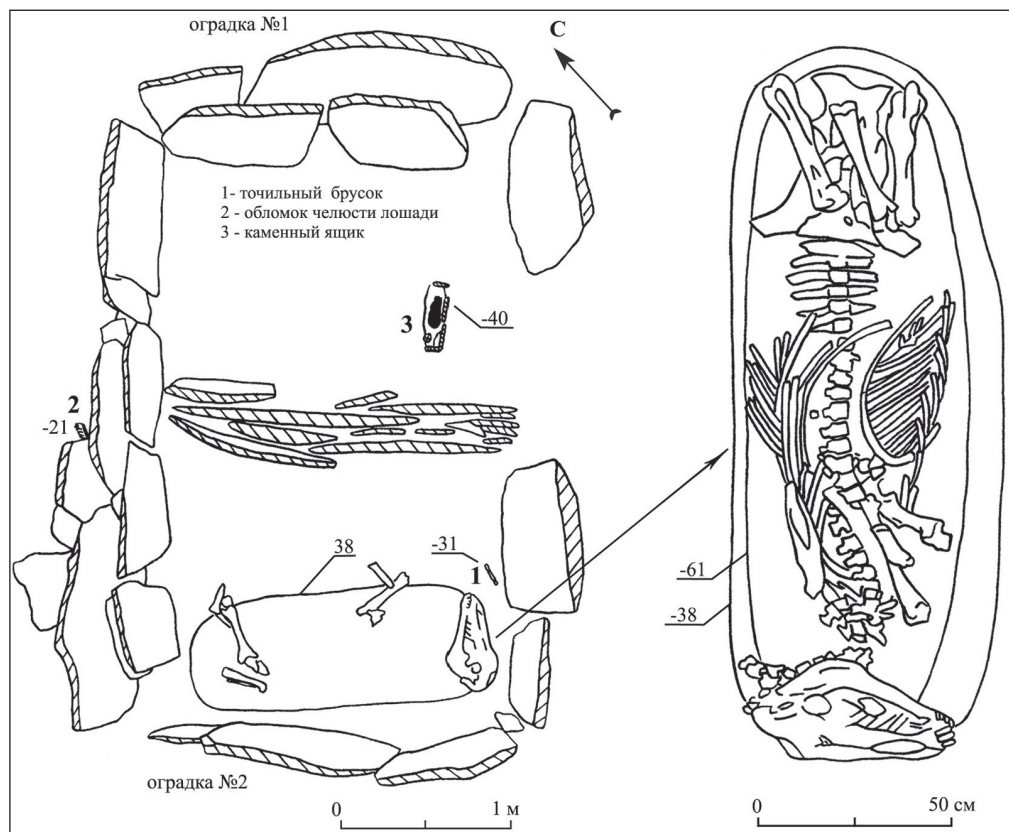

Рис. 3. Мендур-Соккон-1 (по: [Соенов, Эбель, 1997, рис. II, IV])

Итак, изучение каменных оградок и кенотафов раннесредневековых тюрков демонстрирует сходство по целому ряду показателей. Особое внимание привлекают отдельные «поминальные» комплексы, наиболее полно соответствующие «пустым» могилам по характерным конструкциям, в том числе связанным с оформлением захоронения лошади, и составу сопроводительного инвентаря [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX; Могильников, 1992, с. 184–185, рис. 13–14; Соенов, Эбель, 1996; 1997, рис. I–IV; и др.]. Существенным моментом является принадлежность большинства подобных объектов к ранним этапам развития тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VII в.). Интересно, что к этому же времени относится ряд достоверно датированных «ритуальных»

* Выражаем благодарность В.В. Горбунову, обратившему наше внимание на данный случай.

курганов рассматриваемой общности [Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. VI.-24, 25; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14–21, 55.-7–8], которые нередко рассматриваются как своего рода «поминальные» кенотафы [Серегин, 2010а, с. 80]. Вероятно, концентрация подобных комплексов на ранних этапах развития тюркской культуры иллюстрирует период формирования традиций и канонов погребально-поминальной обрядности кочевников. Поэтому не исключено, что в более позднее время функции оградок и, соответственно, представления, связанные с их созданием, могли трансформироваться. Дальнейшие детальные исследования, связанные как с получением новых материалов, так и с интерпретацией уже накопленных сведений, позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики раннесредневековых тюрков, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавших сооружение «поминальных» объектов.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в «эпоху великого переселения народов». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. Вып. 12. С. 95–114.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.
- Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.
- Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.
- Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. НГУ, 2000. С. 157–169.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Изд. Ин-та истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Магренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд. АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51.
- Магренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд. АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд. АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиции и современность // Проблемы археологии и этнографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. II. С. 155–163.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010а. Вып. IV. С. 78–83.

Серегин Н.Н. «Околокурганные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2010б. №4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин Н.Н. Объекты «ритуального» характера в составе погребальных комплексов тюркской культуры // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул: АРТИКА, 2011. Вып. 2. С. 49–54.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 302 с.

Шелепова Е.В. Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 212–227.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

A.A. Tishkin, N.N. Seregin

TURKIC MORTUARY ENCLOSURES AS ONE OF THE FORMS OF ERECTING CENOTAPHS IN THE EARLY MIDDLE AGES

The article analyzes the examination of Turkic mortuary enclosures as one of the forms of cenotaphs erected in the early Middle Ages. Many researchers have been doubtful about the exceptionally «commemorative» character of such objects. The analysis of the material found in the course of the excavation work of archaeological sites in the Altai-Sayan region and Central Asia in the 2nd half of the first millennium AD allowed for marking a number of characteristic features of the stone mortuary enclosures which are comparable with characteristics of the cenotaphs of the early middle-ages Turks. Among the most distinctive features are small stone boxes, various types of objects accompanying a set of grave goods (balbals, stelae, statues, stone rings, additions etc.). The facts suggest that the stone mortuary enclosures served as cenotaphs at an early stage of the development of the Turkic culture, but this tradition could have been altered in a later period of time. Further detailed research of the new materials as well as the interpretation of the available information will allow us to consider the formation and development of the ritual traditions of the early middle-ages Turks on a more reasonable basis and which will also help reconstruct the understanding of the Turks who erected these «commemorative» objects.

Keywords: the Altai-Sayan region, Central Asia, early middle-ages Turks, stone mortuary enclosures, cenotaphs, interpretation.